

Ковалевський М.Т.

К56 Обрані переклади: Зб. перекладів. –
Миколаїв: Атол, 2013. – 96 с.

Збірник вибраних перекладів референта-перекладача, професора-філолога, члена Спілки письменників Росії Михайла Ковалевського охоплює два десятки років його творчої діяльності.

ББК 84 (4 укр.) 6

Ковалевський Михайло
Тимофійович

Обрані переклади

Художнє оформлення – М.Т. Ковалевський

Редактор – В.Г. Воєнна

Тех. редактор – Ю.М. Ковалевська

Формат 60x90^{1/16}. Гарнітура Таймс. Тираж 100 прим Вид.№436.

Видавництво Атол ria@atoll.mk.ua

<http://www.atoll.mksat.net/>

Михаил КОВАЛЕВСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ
ПЕРЕВОДЫ**

Николаев, 2013

ББК 84 (4 укр.) 6

К56

Редактор **В.Г. Военная**
Тех. редактор **Ю.М.Ковалевская**
Худ. оформление **М.Т.Ковалевский**

Ковалевский М.Т.

К56 **Избранные переводы:** Сб. переводов. – Николаев:
Атолл, 2013. – 96 с.

Сборник избранных переводов, референта-переводчика, профессора-филолога, члена Союза писателей России Михаила Ковалевского охватывает два десятка лет его творческой работы.

ПЕРЕВОДЫ С РУССКОГО	87
Михаил Юрьевич Лермонтов «Парус» (нем.)	88
Сергей Есенин «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (нем.)	89
Сергей Есенин «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (англ.)	90
Михаил Ковалевский «Прощание с Саксонией» (нем.)	91

ЛИРИКА	58
КРАСНАЯ, КРАСНАЯ РОЗА (Р. БЕРНС).....	59
Генрих ГЕЙНЕ.....	60
ТЕОРИЯ (Генрих ГЕЙНЕ).....	63
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ (Генрих ГЕЙНЕ).....	64
К ЛУНЕ (Вольфганг ГЁТЕ).....	65
НА ОЗЕРЕ (Вольфганг ГЁТЕ).....	67
В СУДЕ (Вольфганг ГЁТЕ).....	68
GINGO VILOVA (Вольфганг ГЁТЕ).....	69
НАДПИСЬ НА НАДГРОБИИ (Вольфганг ГЁТЕ).....	70
СЧАСТЛИВОЕ ПЛАВАНЬЕ (Вольфганг ГЁТЕ).....	71
ШТИЛЬ (Вольфганг ГЁТЕ).....	72
НОЧНАЯ ПЕСНЯ СТРАННИКА (Вольфганг ГЁТЕ).....	73
РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРА (Л.РЕНН).....	74
ЭПИЛОГ (Теодор ШТОРМ).....	75
УШЕДШИЙ ДЕНЬ (Теодор ШТОРМ).....	76
ПРОЩАНИЕ (В. БОРХЕРТ).....	77
РЕШЕНИЕ (Б. БРЕХТ).....	78
ОДНОРУКИЙ В РОЩЕ (Б. БРЕХТ).....	79
ДЫМ (Б. БРЕХТ).....	80
НЕБО ЭТОГО ЛЕТА (Б. БРЕХТ).....	81
ДОБРОЙ НОЧИ (П.Б. ШЕЛЛИ).....	82
ЛИПА ШЕВЧЕНКО (Дмитро КРЕМИНЬ).....	83
АИСТ (Дмитро КРЕМИНЬ).....	85

С поэзией Михаила Тимофеевича Ковалевского я знакома 30 лет. Мне нравится лирика его стихов, в которых отражены размышления поэта о гармонии жизни, окружающей среды и месте поэта в современном обществе. И он не просто наблюдает течение социальной жизни, но говорит, как изменить этот мир. В его стихах нередко просматриваются и сатирические нотки.

Но с творчеством поэта, как переводчика, я столкнулась впервые. Владение в совершенстве немецким и английским языками, даёт ему возможность сохранить оригинальный ритм стиха. К моему удивлению М. Ковалевский овладел и украинским языком и, переводя стих Дмитра Креминя «Ольвийская просодия», переводчик сохранил правду стиха, которая переплетается с поэтическим вымыслом.

Высоким философским смыслом наполнены переведённые стихи с английского языка «Джон Ячменное Зерно» Р. Бернса, «Песня наёмного раба» Э. Джонса. В последнем особенно отражены «свинцовые мерзости» жизни:

«Да, платит нам богатый люд,
Как нищим скудный грош.
Для нас тюрьма, могила нам -
Расчёт всегда хорош»

Тема любви и страсти часто встречается в античной и рыцарской литературе. Смерть побеждается не страстью, а духовным порывом. М.Т. Ковалевскому

Оглавление

БАЛЛАДЫ	6
ГРЕНАДЁРЫ (Генрих ГЕЙНЕ)	7
НЕВОЛЬНИЧИЙ КОРАБЛЬ (Генрих ГЕЙНЕ).....	9
ГОРНЫЙ ШЕЛЬМЕЦ (Генрих ГЕЙНЕ).....	15
ЖЕНЩИНА (Генрих ГЕЙНЕ)	17
ЛОРЕЛЕЯ (Генрих ГЕЙНЕ).....	18
СТОЙКА НА РУКАХ ПОД ЛОРЕЛЕЮ (Эрих КЭСТНЕР).....	19
ТЯГА К ПОДРАЖАНИЮ (Эрих КЭСТНЕР).....	21
ПЕРЧАТКА (Фридрих ШИЛЛЕР).....	23
ЛЕШИЙ (Вольфганг ГЁТЕ)	26
РЫБАК (Вольфганг ГЁТЕ).....	28
КЛАДОИСКАТЕЛЬ (Вольфганг ГЁТЕ).....	30
СОЛДАТ (Альберт фон ШАМИССО)	32
ИНВАЛИД В ДУРДОМЕ (Альберт фон ШАМИССО).....	33
КОРОЛЬ НА СЕВЕРЕ (Альберт фон ШАМИССО)	34
ПУТЬ В НИКУДА (Гейнц КАЛАУ).....	35
МЫШИНАЯ БАЛЛАДА (КУБА)	38
В 1812-м ГОДУ (Рихард ДЕМЕЛЬ).....	41
НАПОЛЕОН В КРЕМЛЕ (Конрад Фридрих МАЙЕР).....	43
ДЕТСКАЯ ОБУВЬ ИЗ ЛЮБЛИНА (Иоганнес Р. БЕХЕР).....	44
НЕЗАБЫВАЕМАЯ ФОТОГРАФИЯ (Иоганнес Р. БЕХЕР).....	50
ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО (Р. БЕРНС).....	51
ПЕСНЯ НАЁМНОГО РАБА (Э.ДЖОНС)	54
ОЛЬВИЙСКАЯ ПРОСОДИЯ (Дмитро КРЕМИНЬ) (укр.).....	57

Abschied von Sachsen (нем.)

Das alte Land, mit Wald bewachsen,
Bald sieht man Berg, bald sieht man Tal.
Ich sehe dich, das schöne Sachsen,
Das letzte Mal.

Der Wagen schaukelt auf Federachsen,
Das Land dem Zug entgegen fliegt.
Du klingst in meinem Herzen, Sachsen,
Wie Abschiedslied.

Das alte Land, mit Wald bewachsen,
Wo Wunder sind auf jedem Schritt.
Ich nehme dich, das schöne Sachsen,
Im Herzen mit.

Dresden - K.M.-Stadt, im Zug

удалось сохранить поэтическую форму стиха с правильным синтаксисом в стихотворениях «Лорелея» Г. Гейне, «Перчатка Ф. Шиллера и др.

Большим философским смыслом и трагичностью наполнено стихотворение «Детская обувь из Люблина» Иоганеса Р. Бехера, в котором звучит пронзительная боль по погибшим детям, а в стихотворении В. Гёте «Леший» показана сила человеческого духа. Автору данного сборника удалось это сохранить при переводе.

Хочется от всей души поблагодарить М. Ковалевского за открытие многих пластов средневековой и даже античной поэзии и это даёт возможность автору сблизить времена и отразить родственность литературных традиций.

В.Г.Военная
преподаватель иностранных языков

БАЛЛАДЫ

Михаил Ковалевский
«Прощание с Саксонией» (нем.)

То выше поезд мчит, то ниже,
А за окном ласкают глаз
Твои красоты. Я их вижу
В последний раз.

Вагон баюкают рессоры.
Высокий мост. Внизу река.
Твои леса, долины, горы
Хранят века.

Один другого вид чудесней
Летят назад. Их нет уже.
Саксония! Ты будешь песней
В моей душе.

В поезде Дрезден – К.М.-Штадт

Сергей Есенин
«До свиданья, друг мой, до свиданья...»
(англ.)

Good bye, good bye,
I say to you, my friend!
You, my dear, are into my heart.
Though it may be here a bitter end, –
There we'll meet for a better start.
Good bye, my friend!
Without hand and words.
Don't be sad, and do not knit
your brows:
Our death is no sensation worth,
So is our life – a shortly gust of ours.

ГРЕНАДЁРЫ
(Генрих ГЕЙНЕ)

Во Францию два гренадёра
Из снежной России брели,
В русском плену они были,
Надежду на жизнь обрели.

В Германии оба узнали:
Стране их удар нанесён.
Разбито последнее войско,
А сам император пленён.

Несчастные плакали оба.
Один из них, горем убит,
В слезах поминал свою рану:
"Как старая рана болит!"

"Ах, друг, наша песенка спета,
С тобой умереть бы мне тут,
Но дома жена моя, дети,
Они без меня пропадут".

"Что мне жена, что мне дети!
Их часто теряем в войну.
Пускай подаяния просят,
А мой император в плену!

Исполни, брат, мою просьбу:
Коль сочтены мои дни,
Возьми моё тело с собою,
Во Франции захорони;

нем.

Почётный крест мой на ленте
Положи ты на сердце моё;
Поясом оберни мою саблю,
А в руку вложи ружьё.

Так тихо хочу лежать
И слушать деревьев ропот,
Пока не услышу пушечный лай,
Ржанье коней и топот.

Когда император над могилой моей
Под звон мечей проскачет опять,
Тогда из могилы восстану я
Моего императора защищать!"

Сергей Есенин

«До свиданья, друг мой, до свиданья...»

(нем.)

S. JESSENIN

Lebe wohl, mein Freund, auf Wiedersehen!
Dich, mein lieber, schloss ins Herz ich ein.
Muss ich hier von dir den Abschied nehmen, –
Das verspricht ein Treffen dort zu sein.

Auf Wiedersehen! Ohne Hand und Worte.
Sei, mein Freund, nicht traurig über mich.
Ist der Tod ein Ding vor alter Sorte –
Neuer ist das Leben auch nicht.

Михаил Юрьевич Лермонтов
«Парус»
(нем.)

DAS SEGEL

Es schimmert weit ein einsames Segel
Am Horizonte fern am Meer.
Was sucht's im blauen Meeres Nebel?
Was ließ es dort wo er kommt her?

Die Wogen spielen, Winde sausen,
Der Mast biegt sich vor Wind und knarrt.
O weh, kein Glück sucht es weit draußen,
Und nicht vor Glück flieht es derart!

Flut unter ihm wie ein Blinkwürme
Fällt goldner Strahl von oben hin.
Aber es sucht rebellisch Stürme,
Als ob die Ruhe wäre drin!

НЕВОЛЬНИЧИЙ КОРАБЛЬ
(Генрих ГЕЙНЕ)

Владелец груза Мингеер ван Кок
Расчётами занят в каюте.
Он калькулирует свой товар
И прибыль с него в валюте.

"Хорош каучук и перец хорош,
Слоновая кость есть тоже.
Есть в трюме моём золотой песок,
Но чёрный товар дороже.

Шесть сотен негров выменял я
На берегах Сенегала.
Я бусы щедро неграм дарил,
И слава за мной шагала.

Я им на обмен давал алкоголь,
Ножи им давал, иголки,
Восемьсот процентов буду иметь
За половину выживших только.

Если даже три сотни их
Доставлю в Рио-Жанейро,
За негра по сотне дукатов мне
Заплатит Гонзалес Перейро."

Тут вдруг хозяин Мингеер ван Кок
Был вырван из хода мыслей;
В каюту вошёл корабельный хирург,
Доктор его ван дер Свиссен.

нем.

Худой, как щепка, костлявый хирург,
Нос в бородавках красных.

"Ну, водный фельдшер, ответствуй мне,
Как дела моих негров прекрасных?"

Доктор спасибо сказал за вопрос,
Затем сообщил ван Свиссен:
"Сегодня ночью мёртвых процент
Значительно норму превысил.

В среднем за день умирало два,
Сегодня же умерло семь –
Четыре мужчины, три женщины, я
Опасность предвижу всем.

Я трупы исследовал тщательно, ведь
Шельмы коварства полны,
Прикинутся мёртвыми, чтобы их
Сбросили с судна в волны.

С мёртвых я снял потом кандалы,
Я делаю это привычно,
Сбросить в море трупы потом
Утром велел как обычно.

Я сразу увидел в морской воде
Акул целую стаю.
Чёрное мясо так любят они, –
Я неграми бестий питаю.

Вслед за судном плывут они
С тех пор как мы подняли снасти.
Залах трупов бестий влечёт,
У хищниц оскалены пасти.

ПЕРЕВОДЫ С РУССКОГО

* * *

Былое проклинать – не мудро и убого.
Мы в Храме-на-Крови молились – я и ты.
Былое — призрак-труп, хватающий живого
Сквозь годы и века, хоть сожжены мосты.

Прошел имперский век, другая злоба дня.
Но плыли корабли, и корабли летали.
И ты меня ждала из пепла и огня.
Из родника зари я черпал воду где-то.
И песнею лилась ее струя.
И мне ль забыть, как месяцем одета,
Ты первый раз сказала:
– Я – твоя...

укр.

Забавно на них с корабля смотреть.
Как хищники трупы терзают!
Голову этот, ногу другой,
Тряпки тоже глотают.

Всё проглотив, резвятся они
Вокруг нашего судна.
Глядят на меня, словно хотят
Сказать спасибо подспудно."

Ван Кок, вздохнувши, прервал его:
"Как мне смягчить убыток?
Как мне смертность чёрных унять,
Может быть, с помощью пыток?"

"Они сами виновны – врач возразил –
В растущем количестве мёртвых,
Они задыхаются в трюме своём,
В своих испарениях спёртых.

Меланхолии тоже в этом вина,
Умирать и от скуки будут.
Станут на палубе танцевать –
Болезни свои забудут."

Ван Кок воскликнул: "Хороший совет!
Мой верный водный целитель,
Умён, как Аристотеля
Александра учитель.

Очень умён тюльпанный король
В Делфте, тюльпаньей столице,
Но разум его слабей твоего
И близко с твоим не сравнится.

Музыку! Музыку! чёрным здесь,
На верхней палубе, танцы устрою,
А кто ликовать не захочет, тех
Плетью от грусти прикрою.

Из голубого неба-шатра
Тысячи звёзд сияют,
Они с любопытством смотрят вниз,
Где чёрные люди гуляют.

Их взгляды к морю устремлены.
Его простор бесконечен;
Со вспышками фосфора рокот волн
Сладостен и беспечен.

На судне невольничьем нет парусов –
Отложено их крепление.
Но верхняя палуба освещена, –
Там негры дают представленье.

На скрипке играет штурман. Кок
Насилует бедную флейту.
Юнга что силы бьёт в барабан,
Доктор предан кларнету.

Не меньше сотни негров кружат,
Каждый скачет, смеётся
Словно помешанный; с каждым прыжком
Звон кандалов раздаётся.

Самозабвенно топчут они
Палубу в бурном восторге.
Есть в этом буйстве под музыку в них
Что-то от диких оргий.

АИСТ **(Дмитро КРЕМИНЬ)**

Хоть далеко летать тебе трудиться,
мой аист, у весенней борозды,
но всё равно, пребелая ты птица,
легки твои весенние труды.
Питай свою ты душу небом синим,
село не покидай ты и меня,
над бороздой, что пахла так бензином,
давно благоухают зеленя.
Пирует мир и дышит тёплым ветром,
и так ещё далёко до зимы...
Простёрлась степь на сотни километров,
которой вскормлены и выращены мы.
К кажется, на полюсе снег тает.
И вспаханы, засеяны поля...
И, с белым аистом на колесе, летает,
как аист, вокруг солнышка Земля!

укр.

"Завещанью" – забвения нет.
Только с боем за вехою веха
пусть берётся в движенье вперёд.
Ведь смеётся над страхами века
не убитый мой
вечный народ.
Ни чины, ни награды, ни званья
пусть вовек не стоят над пером.
Надо жить и писать по призванью
степью, небом высоким, Днепром.
Жизнь в эпоху ракетного сопла
нам на вечность равняться велит.
Ведь она до сих пор не засохла,
ведь Шевченкова липа – шумит!

Палач на палубе правит бал.
Он ударами плети
Медлительным бодрости стимул даёт,
Чтоб негры резвились, как дети.

Сильна какофония звуков была!
Шум привлёк из глубин чудовищ –
Монстров, что спали в своей среде,
В своих пещерах то бишь.

Ещё не очнувшихся толком от сна
Сотни акул приплыли.
Они таранились на корабль –
В недоумении были:

Для завтрака время ещё не пришло.
Они удручённо зевают,
В разверзнутых пастьях страшных зубов
От негров отнюдь не скрывают.

Спектакль на палубе дальше идёт.
Звёзды с небес свисают.
От нетерпенья акулы за хвост
Сами себя кусают.

Я думаю, музыка им ни к чему
Как хищникам вне закона.
"Не любящим музыку не доверяй", –
Говорит поэт Альбиона.

Звучит какофония дальше в ночи
И танцы купцу на потребу.
Мингеер ван Кук молитву творит,
Воздев свои руки к небу;

"Ради Христа сохрани, Господь,
Чёрные жизни эти!
Они грешат, но ведь знаешь ты,
Они все глупы, как дети.

Сохрани им жизни ради Христа,
Который всех любит очень!
Ведь если останется меньше трёхсот,
Гешефт мой будет испорчен."

ЛИПА ШЕВЧЕНКО
(Дмитро КРЕМИНЬ)

Оставался мне шаг до бесславья...
Вдруг очнулся, и сердце стучит:
как я жил, так легко и писал я,
а Шевченкова липа – шумит!
На оплаканной им Украине
нам иное для счастья дано.
Гайдамацкие сабли-святыни
перекованы в плуги давно.
Так зачем же вы ищете снова
суесловие, штампы-слова,
крепостные приспешники слова?

А Шевченкова липа – жива.
Спите все вы на мягкой перине,
каждый ест очень вкусно и пьёт...
Только стыдно
за вас Украине,
где Шевченкова липа
цветёт!

Посадите свой сад иль дуброву
и смотрите эпохе в лицо,
И подлюке студенту Петрову
хоть какое нашли б... деревцо.
А доносчиков племя гундосит
над созвездием ярких "Трёх лет".
Всех доносчиков время уносит,

укр.

ДОБРОЙ НОЧИ (П.Б. ШЕЛЛИ)

1.

Не нужно "доброй ночи", нет;
Разлуки час отсрочь;
Давай встречать с тобой рассвет,
И доброй будет ночь.

2.

И как мне доброй ночь назвать,
Коль ты уходишь прочь?
Лишь "доброй ночи" не желать,
И – доброй будет ночь.

3.

Сердца сливаются и вновь
Встречают утра свет.
Ночь хороша, моя любовь,
Там "доброй ночи" нет.

англ.

ГОРНЫЙ ШЕЛЬМЕЦ (Генрих ГЕЙНЕ)

На Рейне город Дюссельдорф.
Там герцог в замке роскошном
Бал-маскарад даёт при свечах;
Музыка в раже истошном.

Сама герцогиня танцует там,
Смеётся, склонив головку;
Партнёр её в танце – стройный франт,
И вежливый он, и ловкий.

Из чёрного бархата маска его
Дружеский взгляд скрывает.
Один только глаз, как кинжала блеск
Из бархатных ножен сверкает.

Восторгом взрывается бал-маскарад,
Когда оба в потоке вальсов
Прносятся мимо ряженой толпы
С шутливым щёлканьем пальцев.

Трубы врываются, как водопад,
Бас шутовской наступает.
Но танец кончается наконец,
И музыка замолкает.

"Светозарная женщина, дай мне уйти,
Пора мне домой отправляться."
Герцогиня смеётся: "Нужно мне
До лица твоего добраться."

нем.

"Светозарная женщина, отпуск мне дай,
Я рыцарь смерти и ночи."
Герцогиня смеётся: "Получишь тогда,
Когда загляну в твои очи."

Мужчина настойчив, от женщины он
Лицо упрямо скрывает.
Наконец герцогиня маску его
Дерзкой рукой срывает.

"Из горной области это палач!"
В зале толпа закричала
В страхе большом – герцогиня теперь,
Конечно, к супругу примчала.

Герцог умён, он позор смягчил,
Благородство явив поколений.
Извлёк сверкающий меч и сказал:
"Пади предо мной на колени!"

Тебя ударом меча своего
Я сделаю рыцарем чести.
Ты шельма, значит ты господин
И горный шельмец – всё вместе."

Так в благородные вышел палач.
Воспетый в легендах и сагах,
На Рейне род шельмцов процветал,
Что в каменных спит саркофагах.

НЕБО ЭТОГО ЛЕТА (Б. БРЕХТ)

Высоко над озером летит бомбардировщик.
Из лодки вверх
Смотрят дети, женщины, старик. Издалека
Они похожи на скворчат, открывающих клювы
Навстречу корму.

нем.

ДЫМ
(Б. БРЕХТ)

Домик под деревьями на берегу озера,
От крыши подымается дым.
Не было бы его
Какими безутешными были бы тогда
Дом, деревья и озеро.

нем.

ЖЕНЩИНА
(Генрих ГЕЙНЕ)

Любили друг друга они с давних пор,
Была озорница она, он был вор.
Делишками вора она не смущалась,
Бросалась в постель и смеялась.

В бурном веселье день проходил,
Ночь – у вора на милой груди.
Когда вор в тюрьме оказался,
Никто, как она, не смеялся.

Он ей передал: "Приди ко мне,
Не мила мне жизнь без тебя в тишине,
Она без тебя поломалась."
В ответ она только смеялась.

В шесть утром вора казнили,
В семь в землю его опустили;
В восемь она наслаждалась
Красным вином и смеялась.

нем.

ЛОРЕЛЕЯ*
(Генрих ГЕЙНЕ)

Со мною случилось такое:
Душа печалью полна;
Мне не даёт покоя
Старая сказка одна.

Прохладно. День вечереет.
Рейн воды спокойно несёт.
Вершина горы пламенеет,
Закат ей лучи свои шлёт.

Прекрасная дева младая
Сидит на вершине той.
Одежда на ней золотая,
И гребень в руке золотой.

Пряди волос золотые
Под песню чешет она.
Песни слова непростые,
Мелодия всюду слышна.

Гребец, отдавшись стремнине,
Не видит вокруг ничего;
Поющей красоткой к вершине
Прикованы взоры его.

Подводной скалы не минет
Гребца того утлый чёлн.
Знаю, в пучине сгинет
От чар Лорелеи он.

нем.

* Имя сказочной волшебницы и обольстительницы по названию скалы Лур-лей.

ОДНОРУКИЙ В РОЩЕ
(Б. БРЕХТ)

С потным лицом нагибается он
За сухим хворостом. Комаров
Отгоняет потряхиванием головы. С помощью
Колен с трудом связывает в пучок дрова.
Кряхтя встаёт, поднимает вверх руку,
Чтобы узнать
Идёт ли дождь. С поднятой рукой
Наводивший ужас эсэсовец.

нем.

**РЕШЕНИЕ
(Б. БРЕХТ)**

После восстания 17-го июня
Секретарь Союза писателей предложил
Распространить на Сталиналлее листовки,
В которых говорилось, что народ
Утратил доверие правительства
И только удвоенным трудом
Может его снова завоевать. Но не проще ли
Было бы правительству
Распустить этот народ
И выбрать другой?

нем.

**СТОЙКА НА РУКАХ ПОД ЛОРЕЛЕЮ
(Эрих КЭСТНЕР)**

Действительный случай

Прекрасна, как все прочие феи,
На скале была, как на стуле.
И шкиперы, вытянув шеи,
В Рейн от чар Лорелеи тонули.

Меняемся мы. Меняются кормчие.
Рейн регулируют, плотина стоит.
Время проходит. Мы не гибнем как прочие,
От того, что блондинка причёской шалит.

И всё ж хотят, потомкам в назидание,
Героями из тех времён побыть.
Каким бы древним ни было предание,
Но что-то из него стремятся повторить.

Недавно на скале под Лорелею
Гимнаст проделал стойку на руках!
Из всех судов зывали к дуралею,
Когда стоял он так почти что в облаках.

Над Рейном на скале судьба его настигла
Крестом неплотским, с радостью в чертах.
Его спросили, что его подвигло?
Он был герой. Он понял это так.

Лучом последним вечер скалы полнил.
И тут печалью глаз мутиться стал.
Гимнаст о Лорелее Гейне вспомнил.
Сорвался вниз. И шею он сломал.

Он умер, как герой. Хоть не в борьбе с врагами.
И стойка на руках судьбой озарена.
А смерть за миг с парящими ногами –
Не слишком непомерная цена!

P.S.

Ещё момент. Героя не осудим –
Семья оставлена избранником самим.
Как и его, семью жалеть не будем,
Ведь только павшие герои ценны людям,
Все пережившие не интересны им.

нем.

ПРОЩАНИЕ (В. БОРХЕРТ)

Тот поцелуй последним был –
остыл.

Волна относит судно прочь –
в глухую ночь.

Зелёный свет и красный свет
мне шлют привет...

нем.

УШЕДШИЙ ДЕНЬ
(Теодор ШТОРМ)

Не скажешь дню: постой, не уходи;
Я чувствую, как от моей груди
Ты тихо отдаляешься; хочу
Сказать тебе: останься, но молчу.

Я знаю, что не надо говорить;
Позволь тебя лишь поблагодарить,
Позволь тебе лишь только пожелать
О прошлом вспоминая, не страдать.

Стою, страшась на прошлое взглянуть;
Летят мгновения, которых не вернуть;
Из всех часов, отпущенных судьбой,
Нам не прожить ни одного с тобой.

нем.

ТЯГА К ПОДРАЖАНИЮ
(Эрих КЭСТНЕР)

Быстрее нет эпидемии в эфире!
И человек, пускай ещё малец,
Коль речь идёт о необычном в мире,
Он тут как тут, мудрее, чем отец.

Однажды в феврале из дома дети
На задний двор сбежались поиграть.
Решили Фрица Наумана повесить,
Чтобы не стал разбойничать опять.

Как был казнён разбойник уголовник,
Подробности узнали из газет
И порешили: Науман – разбойник
И для нею помилованья нет.

С петлёй на казнь пошла компания ребячья,
А Карла пастырем пришлось назначить им.
Кричать он Фрицу не велел, иначе
Он мог игру испортить остальным.

Фриц Науман сказал: "Не страшно мне ничуть. "
Серьёзные друзья, закончив путь,
Остановились под ковровой штангой
И стали Фрица в петле вверх тянуть.

Он упираться стал. Но поздно. Он качался,
Верёвку крепче на крючке зажав.
Фриц дёргался, он не совсем скончался.
Девчонка за ногу щипнула, подбежав.

нем.

Он молча дёргался, и вслед за этим
Убийством стала детская игра.
Когда убийство осознали дети,
Все в ужасе сбежали со двора.

Ещё никто не знал о Фрице в целом свете.
Царила тишина. Закат кроваво тлел.
Покачивал в петле мальчишку ветер –
Обычный утешитель мёртвых тел.

Случайно фрау Циклер проходила
И с криком бросилась на улицу – спасти,
Хоть ни к чему вдове желанье было.
Полиция приехала к шести.

Мать в обморок упала перед сыном.
Их в дом обоих стали уносить.
А Карл задержанный сказал: "Так вы нам
Писали сами, как разбойников казнить."

ЭПИЛОГ (Теодор ШТОРМ)

Одной я мыслью утешаюсь
Под гнётом этих тяжких лет,
Когда лишь подлость процветает,
Когда нужде исхода нет.

Я твёрдо знаю: мир воскреснет;
Пусть мутный пенится поток,
Начало новой жизни зреет,
Не пропадёт её росток.

И грома майского раскаты,
Что разбудили робких нас,
Опять, минуя все преграды,
К нам прилетят в урочный час!

В небесный колокол ударит
В последний раз Перун седой,
И первый день Весны настанет –
Высокий, светлый, золотой.

Пусть этот гром весь мир услышит!
Пусть счастлив будет весь народ
И тот поэт, что в недрах жизни
Стихов алмазы соберёт!

нем.

**РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРА
(Л.РЕНН)**

Из голода, нужды и горя,
Рождаясь, новый мир встаёт.
Не зря ты жертвовал, народ,
Борцами класса, с бурей споря

По улицам бродить не будет,
Кто любит труд, кто в нём возник,
И будет каждый сыт старик,
Ребёнок о нужде забудет.

И миллионы рук стальных
Великое закончат дело.
Власть старую сломали смело,-
Не быть нужде теперь в живых.

Так новый мир теперь встаёт
Из голода, нужды и горя.
Борцами класса, с бурей споря,
Не зря ты жертвовал, народ.

нем.

**ПЕРЧАТКА
(Фридрих ШИЛЛЕР)**

Перед клеткой огромной, на зрелища падкий,
Сидит в ожидании хищников схватки
Его величество сам,
Вокруг приближённые к трону,
И как украшение балкону -
Венец из прекрасных дам.

Король одним пальцем знак подаёт, –
Дверь клетки открылась и вот
С опаской дверной проход одолев
Входит лев
И озирается вдруг
Вокруг,
Сладко зевает –
Сон отгоняет
Гривой встряхнулся
И потянулся
Вытянув лапы
Ложится на пол.

нем.

Король опять знак подаёт, горячится,
И враз распахнулась ещё одна дверь,
Где хищный зверь обитает,
Оттуда в диком прыжке
Тигр вылетает.
Как только льва замечает,
Он громко рычит,
Хвостом шевелит
Грозится на льва
Напасть
Ужасную скалит пасть
По кругу с опаской льва обходит,
Злобно рыча,
Потягивается, ворча,
И в сторонке ложится.

Снова король знак подаёт,
В третий раз открываются двери
Из них вырываются звери –
Два леопарда.
Отдавшись порыву,
Бросаются льву на гриву;
Лев отвечает ударом обоим
И страшным рыком; ушла война,
Опять тишина.
На полу же вдруг
Улеглись все в круг
Кошки, возбуждённые боем.

В разгаре звериной толкучки
С балкона падает вдруг
Перчатка с женской ручки
Прямо в звериный круг.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ СТРАННИКА (Вольфганг ГЁТЕ)

Погрузились горы
В мрак и тишину,
Смолкли птичьи хоры,
Тёмный лес уснул;
Всем конец заботам;
Песню допоешь
И за поворотом
Сам покой найдёшь.

нем.

ШТИЛЬ
(Вольфганг ГЁТЕ)

Неподвижна гладь морская,
Тишина царит везде.
Вдаль моряк тревожно смотрит,
размышляя: быть беде.
Хоть бы воздух шевельнулся!
Гробовая тишина!
Необъятной моря дали
Не рябит нигде волна.

нем.

Рыцаря просит ехидно дама одна:
"Мой рыцарь, я знаю, что Вы
Любовь свою мне до дна
Отдать, как клялись, готовы,
Теперь подтверждение клятвы явите
Перчатку мою поднимите
И мне на балкон принесите."

И рыцарь не медля бросается вниз,
Твёрдым шагом заходит в клетку,
Из ужасного круга зверей
Дерзко берёт перчатку эту.

С удивлением и страхом от этой драмы
Смотрят рыцари и благородные дамы,
Как спокойно перчатку он возвращает.
И тут раздаётся ему хвала,
Всех зрителей он восхищает.
Но не пряча любовный взгляд –
Как предвестник грядущих услад –
Фройляйн Кунигунда его встречает.
Получает перчатку в лицо она:
"Благодарность, дама, мне не нужна!"
И тут же её покидает.

ЛЕШИЙ
(Вольфганг ГЁТЕ)

Сквозь ветер и дождь спешит не гонец,
То скачет на лошади с сыном отец;
Он крепко ребёнка прижал к груди,
Домашний очаг их ждёт впереди.

"Мой сын, почему на лице твоём страх?"
"Отец, посмотри, там леший в кустах!"
"Не бойся, мой мальчик, то ночи обман,
Клубится в кустах осенний туман."

"Прелестный ребёнок, иди ко мне!
Зачем тебе ночью скакать на коне?
С тобой на лужайке мы будем играть,
Подарки готовит тебе моя мать."

"Отец мой, отец, разве ты не слышал,
Что на ухо леший сейчас мне шептал?"
"Не бойся, не бойся, мальчик мой,
То ветер шуршал сухою листвою."

"Милый ребёнок, оставь ты коня,
Красивые дочери есть у меня;
Водят они ночной хоровод,
Каждая спляшет тебе и споёт."

"Отец мой, отец, посмотри вперёд,
Там лешего дочери ведут хоровод."
"Я вижу, сынок мой, я вижу: там в ряд
Старые пни на болоте стоят."

нем.

СЧАСТЛИВОЕ ПЛАВАНЬЕ
(Вольфганг ГЁТЕ)

Туман разошёлся,
И небо синее.
Теперь я свободен
От страха оков.
Свистит только ветер:
Скорее! Скорее!
Вздымаются волны,
Летит даль навстречу,
И я уже вижу
Черты берегов.

нем.

НАДПИСЬ НА НАДГРОБИИ

**Кристианы фон Гёте
(супруги Вольфганга Гёте),
урож. Вулпиус
(Вольфганг ГЁТЕ)**

Не пытайся, о солнце, напрасно
Сквозь угрюмые тучи светить!
Жизнь одно мне дала – ежечасно
По ушедшей Тебе слёзы лить.

Веймар

нем.

"Мил очень ты сердцу, малыш, моему;
Тебя в моё царство я силой возьму."
"Отец мой, отец, он хватает меня!
Он сделал мне больно, он тащит с коня!"

Стонет мальчишка, в смятенье отец,
Но вот уже дома они наконец;
Не сразу заметил отец впопыхах,
Что мёртвого сына держал на руках.

РЫБАК
(Вольфганг ГЁТЕ)

Поток шумел, потоке бежал,
На берегу сидел
Рыбак и удочку держал,
На поплавок глядел.

Рыбак сидит, рыбак молчит,
Вдруг чудо видит он:
Красотка мокрая спешит
К нему из светлых волн!

Вот подплыла и стала петь,
И стала говорить,
Что надо рыбок пожалеть,
Не надо их губить.
"Ах, если бы ты только знал,
Как им тут хорошо,
Минуты медлить бы не стал
И сам бы к ним пошёл.

Ласкает солнышко вода
И месяц золотой,
В воде вдвойне они всегда
Сияют красотой.
А как чисты там небеса,
Как глубоки они,
Свежа там вечная роса,
Иди же, отдохни!"

нем.

GINGO BILOBA
(Вольфганг ГЁТЕ)

На конце листок раздвоен,
Что в мой сад пришёл с Востока,
Есть в нём тайна, он достоин
Мысли не одной глубокой.

Может быть, в нём раздвоилось
Существо одно живое?
Или два соединились,
Чтобы стать одной судьбою?

Для себя я из ответов
Выбрал правильный один:
В песнях спетых и неспетых
Я раздвоен и един.

нем.

В СУДЕ
(Вольфганг ГЁТЕ)

Я вам не скажу, от кого я ношу
Ребёнка под сердцем моим.
Гулящей девкой зовёте меня, –
Неправда! жила я с одним.

С кем венчана я, я вам не скажу.
О том знают лес да степь.
В соломенной шляпе любимый мой,
Золотая на шее цепь.

Насмешки и брань я снесу одна,
И чем бы он мне помог?
Я знаю его, он знает меня,
Обоих нас знает бог.

Оставьте в покое меня, прошу,
Священник и ты, судья!
Ребёнок мой и будет моим,
И этим счастлива я.

нем.

Поток шумел, поток бурлил
И ластился у ног,
А голос нежность в сердце лил –
Он устоять не смог:
Вступил в поток босой ногой,
Красотка помогла...
С тех пор не видели его,
Такие вот дела.

КЛАДОИСКАТЕЛЬ
(Вольфганг ГЁТЕ)

Всю-то жизнь я без гроша,
Всю-то жизнь одни заботы.
Если беден, то никто ты,
Тот лишь счастлив, кто богат.
Пропадай, моя душа!
Заклучил я сделку с адом
И отправился за кладом:
Богачом вернусь назад!

Ночью стал ходить кругами,
Сделав дьявольскую смесь.
Бес шепнул мне: "Рой вот здесь!
Слово я своё сдержал:
Клад найдёшь ты под ногами."
Начал рыть я что есть мочи;
Не забыть той бурной ночи –
Весь от страха я дрожал!

Только полночь наступила,
Свет увидел я вдали,
Словно там на край земли
Звёздочка сошла с небес
И фонариком светила.
Не успел моргнуть я глазом –
Расступилась тьма вдруг разом:
Чудный мальчик чашу нёс!

нем.

НА ОЗЕРЕ
(Вольфганг ГЁТЕ)

Ты много сердцу и уму
Даёшь, воды простор!
С тобой мне слиться самому
Хотелось с давних пор;
О как щедра и как добра
Природа – наша мать!
Там из-за облака гора
Выходит нас встречать.

Но что же мой вдруг опечалился взгляд?
Мечты золотые вернулись назад?
Уйдите, мечты! не тревожьте вы вновь;
Здесь тоже и жизнь и любовь.

На волне играет
Бликов резвый рой,
В дымке утра тает
Берег за кормой;
Вёсла, погружаясь,
Режут лоно вод,
В водах отражаясь,
Созревает плод.

нем.

И тогда, когда весной,
Лёд взломав, бурлишь,
И когда в тиши ночной
Серебром блестяшь.

Счастлив тот, кто уходя
Зла не затаит;
Старых ран не бередя,
Друга сохранит,

Чтобы путь закончить с ним,
Слушая в ночи
То, что только им одним
Сердце простучит.

Из сосуда свет струился.
Было всё как в дивном сне:
Мальчик улыбался мне.
Стал он в круг рядом со мной,
Пригласил, чтоб я напился.
Я подумал: мальчик этот
И сосуд с волшебным светом
Не дружили с сатаной!

"Выпей мужества напиток
Ты из этого сосуда
Чистой жизни – и отсюда
Поскорее уходи!
Смысл пойми своих попыток.
Что за отдых без работы?
Что за праздник без заботы?
Клад в себе самом найди!"

СОЛДАТ
(Альберт фон ШАМИССО)

Звук барабана чуть приглушён;
Путь к месту смерти, как долог он!
О, если б закончился он поскорей!
Не выдержит сердце в груди моей!

Я в жизни только его любил,
Только его, что мне другом был.
Звук барабана. Солдатский строй,
В строю этом шаг под музыку мой.

Он смотрит на небо в последний раз,
Луч солнца ласковый ловит такой.
– Повязку дайте ему для глаз –
Господь тебе дарит вечный покой.

Дружно прицелились девять солдат;
От пуль восьмерых он не упал;
Дрожал от плача и боли отряд –
И только я точно в сердце попал.

нем.

К ЛУНЕ
(Вольфганг ГЁТЕ)

Снова льешь свой тихий свет
На природу ты,
В светлый сумрак дол одет,
Роща и кусты.

Я бреду, словно во сне,
В призрачную даль;
Растворил твой свет во мне
Радость и печаль.

Я для жизни выбрал ноль,
В нём судьба моя:
Справа радость, слева боль,
Между ними – я.

Уноси с собой, река,
Сладость прошлых лет,
Те минуты – как века,
Им возврата нет!

То, что было дорогим,
Не могло не быть,
То, что мне, как и другим,
Тяжело забыть!

Ты шуми, шуми, река,
В море отдохнёшь!
Песням всем моим пока
Ты мотив даёшь:

нем.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ
(Генрих ГЕЙНЕ)

«Ты не будь таким упорным!
Не печатай книг таких ты!
Хочешь денег ты и чести –
Лучше будь всегда покорным.

Ну зачем такие речи
Говорить перед народом,
Обращаться так с попами,
Так монахам всем перечить!

Пожалей себя ты лучше!
У князей большая сила,
У попов большие глотки,
У народа ж длинны уши!»

нем.

ИНВАЛИД В ДУРДОМЕ
(Альберт фон ШАМИССО)

Лейпциг, Лейпциг! злобный город,
Ты стыдом себя покрыл,-
Был призыв: вперёд, к свободе!
Кровь мою зачем ты пил?

Смело бейтесь за свободу!
За свободу! я вопил,
И удар тяжёлой сабли
Дурню череп раскроил.

Я лежал, а вниз катился
Роковой той битвы вал;
Поле трупами покрылось,
Мрачной ночи час настал.

Я пришёл в себя от боли,
Рана всё сильнее болит;
Здесь теперь лежу я связан,
Персонал вокруг стоит.

Если я ещё к свободе
Призову, как в битве той,
Надзиратель гнусной плёткой
Восстановит мой покой.

нем.

КОРОЛЬ НА СЕВЕРЕ
(Альберт фон ШАМИССО)

На Севере царствовал сильный
Король – повелитель всему;
Людьми его край был обильный,
Но не было равных ему.

Когда же кончина приснилась,
У моря решил посидеть;
Наследников тройка явилась –
Волк серый, сова и медведь.

Сказал он медведю: "Мой бортник,
Тебе завещаю я лес;
Не будет тревожить охотник
Тебя в твоём доме чудес."

Затем он к сове обратился:
"Тебе оставляю я
Все замки, чтоб в них селился
Твой род до судного дня."

Король не забыл и волка:
"Тебе оставляю поля,
Где трупов бесчисленных столько
За царство оставил я."

нем.

ТЕОРИЯ
(Генрих ГЕЙНЕ)

Бей в барабан, не страшась ничего,
И дари маркитанке страсть!
В этом всех книг значенье,
В этом всей мудрости власть.

Бей в барабан, чтоб народ разбудить,
С бодростью юной зорю играй.
Бей в барабан и шагай вперёд,
В этом смысл всех наук – ты знай!

В этом Гегеля философия вся,
В этом глубокая мудрость книг!
Я лихой барабанщик, и я умён,
Я поэтому всё постиг.

нем.

Скрылось за море солнце,
И, словно призрак, пропал
Город, где я влюбился
И где любовь потерял.

* * *

Нежный звук в душе моей
Тает одиноко.
Взвейся, песня, средь полей,
Улетай далёко!

К дому, песня, улетай,
Если ж, всех приметней,
Розу встретишь, передай
От меня привет ей.

* * *

Блеснуло море рябью волн
В косых лучах заката.
Там, где сидели мы вдвоём,
Стоит рыбацья хата.

Вздыхали волны, плыл туман,
Вдаль чайка улетала.
И на руку твою тогда
Слеза любви упала.

Я ждать не стал: пока из слёз
Дождь руку не засыпал,
Я к белизне её прильнул,
и ту слезу я выпил.

С тех пор горит во мне любовь,
Тоскою истомился:
Несчастной женщины слезой
Тогда я отравился.

ПУТЬ В НИКУДА (Гейнц КАЛАУ)

Жил вначале он, как все другие.
Был он молод и мужчина видный был.
Как столяр он вещи дорогие
Мастерить за добрый куш любил.

Мысль на ум пришла ему однажды,
Что бесцельна жизнь его, пуста,
Что кругом в заботе, спешке каждый,
Ссоры, дразги, склоки, суета.

Лишь о теле вечные заботы,
Делать то, что превратится в пыль.
Смысл из книжек, а не из работы
Извлекать как жизненный утиль.

Постоянно ссориться за место
В жизни поудобней для себя.
То подняться, как в закваске тесто,
То упасть, фортуны не взлюбя.

Он решил, что быть как все негоже
И свой путь продумал хорошо:
Снял ботинки и пальто снял тоже,
Ночью встал и к озеру пошёл,

Чтобы там одной травой питаться
И водой, что озеро даёт,
На ветвистую сосну забраться
Он решил – на самый верх её.

нем.

Ветерок мешал ему, но всё же
Лежбище устроил из ветвей.
Тут найти его теперь не сможет
Ни один из тех, внизу, людей.

В лежбище семь дней он находился
На вершины мысленно всходил.
У деревьев он молчать учился,
За движением луны следил.

Так, подвержен холоду и зною,
Он лежал в сплетении ветвей.
Борода росла. С больной спиной
Он упрямо избегал людей.

А под ним шумело воскресенье.
Зной детишек к озеру пригнал.
Разговоры были и веселье,
Только смысла он не понимал.

Сосны ли под ветерком шумели,
Шел ли дождь иль солнышко пекло,
Птички ли над ним утрами пели, –
Всё что было – мимо всё текло.

По ночам на землю он спускался,
Чтоб напиться, съесть растений горсть
До рассвета делать всё старался,
Чтобы не заметил ранний гость.

В городе дверь комнаты взломали,
Посчитали вещи, а потом
Долго о причинах рассуждали,
Много фантазируя при том.

* * *

Милый друг, ведь ты влюблён
И страдаешь новой болью,
Помутился разум твой –
Сердце ж светится любовью.

Милый друг, ведь ты влюблён,
Ты не можешь не признаться,
Если начал сердца жар
Сквозь одежду пробиваться.

* * *

Букет я себе собираю
Среди зелёной травы,
Фиалки-цветы срываю,
Как глазки самой весны.

Срываю цветы и мечтаю,
И тайну мечты моей
Заливистой, звонкой трелью
Поёт в лесу соловей.

Поёт соловей о тайне,
Полной весны чудес,
И нежную тайну эту
Знает уже весь лес.

* * *

Там, где морские волны
Неба ласкают свод,
Картиной туманной город
В лучах заката встаёт

Серый мой чёлн качает
Влажный ветер морской,
Жалобный скрип уключин
Сердце сжимает тоской.

Генрих ГЕЙНЕ

* * *

Письмо твоё сегодня
Читаю без страха я,
Ты пишешь мне, что не хочешь
Больше видеть меня.

Двенадцать страниц – и мелкий,
Как бисер, почерк твой,
Так ли бы ты писала,
Прощаясь навек со мной?

* * *

Когда прохожу мимо дома,
И ты у окошка стоишь,
То радуюсь я, дорогая,
Когда на меня ты глядишь.

Иду я, а ты удивлённо,
Спросишь движением век:
- Кто ты, и чем ты болен,
Странный чужой человек?

- Я, крошка, поэт немецкий,
Известный в моей стране,
Из лучших имён которой
Одно подарено мне.

А болен я тем, дорогая,
Чем болен немецкий народ;
Из худших болезней тебе он
Мою болезнь назовёт.

нем.

Наконец узнали: удалился,
Не оставив о себе следа.
В жизни с ним никто не подружился,
Только имя помнили всегда.

В деле об исчезнувшем записка.
Плана следствия по делу нет.
Дело прекратили: не разыскан,
А в конце приписка: давность лет.

По грибы ходили дети наши
И однажды к озеру пришли.
Сверху к ним донёсся слабый кашель,
Но в ветвях причину не нашли.

Плача слушал он, как пели дети.
Детский хор опомниться помог.
Есть предел всему на этом свете, –
Возвратиться он уже не смог.

И когда строители спилили
Ту сосну через десяток лет,
С ужасом на лежбище открыли
Человечий высохший скелет.

МЫШИНАЯ БАЛЛАДА (КУБА)

В пристройке ветхой во дворе
Играли дети бойко.
В одежде ветхой детворе
Сродни была пристройка.
В руках сжимала тройка
Три сабельки из жести.
Детишки строили гнездо,
Своё разбойничье гнездо
У мусорного бака.

Явилась мышка из подвала
И пробиралась вдоль стены.
Зверёк такой же, как пристройка,
Такой же ветхий, как они,
Как деток хилых шайка.

Ах мышка глупая, тебе
Остаться б в своей спальне.
Опасных деток шайка
В войну играла, как всегда,
И крошку мышку без труда
Загнала в угол дальний.

В углу она, как в западне,
Трое детей на страже.
Все трое следуют за ней.
Без дырок стенка даже.

нем.

КРАСНАЯ, КРАСНАЯ РОЗА (Р. БЕРНС)

О, красная, красная роза –
Любовь, что июнь подарил.
О, милая, ты, как мелодия,-
На крыльях её я парил.

Как сильно тебя, дорогая,
Люблю, нежной страстью горя!
И буду любить, дорогая,
Пока не иссохнут моря.

Пока наше вечное солнце
Не станет скалы топить,
Пока вдруг не оборвётся
Земной этой жизни нить.

Расстанемся только на время,-
В любви неразлучны не мы ль?
Я снова приду, пусть придётся
Пройти десять тысяч миль.

англ.

ЛИРИКА

В отчаянье хотеламышь
Воззвать к своему Богу,
Но под ноги попала лишь
И на тот свет мышиныймышь
Нашла себе дорогу.
Корыто было за стеной.
В очищенной от пыли
Жестянкемышь нашла покой.
Когда-то в старой банке той
Сельдь в соусе хранили.

Как катафалк корыто им
Тут кстати пригодилось.
Могилу выкопать самим,-
Чтоб тайну не открыть другим –
Не долго дело длилось.

Из рыбных косточек веночек
Сплели они для трупа.
Веночек белый-белый был.
И лапки ей крестом сложил
Мальчик из этой группы.

Похоронить пришла пора.
Всё сделали мальчишки.
Деткам наскучила игра!
Отпеть усопшую пора,-
Отпел убийцамышку.

Тусклее стали небеса,
Как серый лист бумаги.
Дождь не накрапывал пока.
Над двором плыли облака,
Как траурные флаги.

В пристройке, в траур погружён,
В раздумье и печали
Стоял мужчина. Видел он,
Как нереальный жуткий сон,
Как дети труп венчали.

Был во дворе он не один,
Он обратился к детям:
"Вам всем не с мышками играть.
Идите все из дома
В леса, где сказочки вас ждут,
Вы очень задержались тут,
Спешите в царство гномов.

Постройте замки из песка,
Мосты, что ветер знает,
Туда, в волшебные места,
Где всё прекрасно очень.
Глядите, гномика рука
Пожать вам руки хочет."

Никто на речь не отвечал.
А тучи пролетали.
В кружке своём в печали
Все озирались. Двор молчал,
И стены в нём молчали.

Их взор не мог поймать пока
Прекрасный вид незримый.
"Согласны все мы, только как?"
Он улыбнулся. И вопрос:
"Вас расстрелять должны мы?"

ОЛЬВИЙСКАЯ ПРОСОДИЯ (Дмитро КРЕМИНЬ)

Переболело. Перетлело летом.
Ушедших лет вдоль берега огни.
Когда прощаться буду с этим светом,
Что на прощанье скажут мне они?
Мои друзья. Или враги, быть может.
Что скажешь ты? Шумит Эвксинский Понт.

Здесь Ольвия. Ничто здесь не тревожит
Надежды в черном саркофаге сон.
Лань легкокрылая от слез намокла.
Громов несется эхо с высоты.
Какой-то там Ахилл какого-то Патрокла
Еще отмстит безжалостно. А ты?

Года летят. Им чужда остановка.
Им нет закона – их таков закон...
И лет безжалостных без паспорта ребенка
На борт челна «Аид» берет Харон.
Бери, Харон. И возвращайся снова.
Смахнувши прах окаменевших слез.
На другой берег, что в провале тонет,
Хочу, чтобы меня ты перевез.

Перевези!
Ослабли звезд флюиды
Над пропастью бездонной бытия.
А что в Аиде? Как же там, в Аиде?
Там тень теней, там мне сон снов приснится.
И та, что долюбить мне не дала?
Жестоких лет лихая колесница.
И в сердце – но не каменном! – стрела...

укр.

Бубенцы звенят; звучат, жалуются;
Крестьянин слушает, глухо шуршит снег.
И уверенно, празднично и спокойно,
Как древняя песня, сильно и скорбно
Звучат в пустыне его слова:

"На небе стояла большая чёрная туча,
Она хотела поглотить святой месяц;
Но святой месяц остаётся на небе,
А чёрная туча рассеяна.
Народ, что ты думаешь?"

Гордая холодная буря нагнала тучу,
Чтобы она поглотила тихие звёзды.
Но вечно сияют тихие звёзды;
Только буря рассеяла тучу,
А бурю поглощает пространство.

И было огромное чёрное войско,
И был гордый надменный император.
Но наша матушка, святая Россия,
У неё теперь тысячи тысяч спокойных горячих
сердец;

Вечно, вечно процветает народ."

В пустоте глотает рот ночи звуки,
Уносится глухой шорох копыт, скулят бубенцы,
На голых берёзах мерцает
Красный от месяца иней.
Император дрожит.

Его взгляд блуждает по пустой равнине
Над трупнопустынной равниной России
Ночь воздевает к небу бледные руки,
Блестит тёмнокрасный месяц,
Кровавый серп Божий.

Да, платит нам богатый люд,
Как нищим, скудный грош.
Для нас тюрьма, могила нам,-
Расчёт всегда хорош.
Но помним мы, как билась мать,
Мы помним смерть детей.
Об этом будем мы читать
В глазах простых людей;
Мы не пройдем мимо таких
И с новою зарей
Пусть спросит каждый: земли – их,
Что ж в жизни есть моей?

Мы молча сносим всё пока,
Храним в уме своём.
Считают: мы глупы, мертвы,
Но мы своё возьмём.
Клич пронесётся по стране,
Поднимется народ,
И топот потрясёт дворцы,
А гнев дворцы сметёт.
Мы кончим плакать у могил
И бедных очагов.
У миллионных масс тогда
Пароль будет таков:
Придет пора, настанет день
И правды час пробьёт.
Ведь смелость есть у нас в сердцах,
А смелость всё возьмёт.

**ПЕСНЯ НАЁМНОГО РАБА
(Э.ДЖОНС)**

Земли хозяин – барин.
Купец – король морей.
Руда – в сундук ростовщика, –
Что ж в жизни есть моей?
Станок даёт владельцу мощь.
Защиту сталь даёт
Всего, что из рабочих рук
Рабочих враг берёт.
Природа, церковь и закон
Для их же сыновей.
Искусство, школы, пушки – их,
Что ж в жизни есть моей?
Надежда есть: настанет день,
И правды час пробьёт,
Ведь смелость есть у нас в сердцах,
А смелость всё возьмёт.

Учиться им и жить легко
За согнутой спиной.
Они же платят мне сполна
Болезнью и нуждой.
Весь день трудись, а дома ждёт
Голодная семья.
Вся жизнь лишь выгода для них,-
Всю жизнь теряю я !
Счастливого досуга час –
Он лишь для их семей;
Игра ребёнка, смех жены,-
Что ж в жизни есть моей?

англ.

**НАПОЛЕОН В КРЕМЛЕ
(Конрад Фридрих МАЙЕР)**

Большую голову склоняет
Он у чужого очага:
Во сне он призрака встречает
В кроваво-пурпурном плаще.

И демон алчно восклицает:
"Твой красный плащ меня пленит!
Людскою кровью он окрашен,
А пурпур не теряет цвет!"

Плечом к плечу боролись оба.
"Отдай!" "Отдай!" Демон летит
Сквозь ночь на дьявольских крылах
И пурпур тащит за собой.

И там, где пурпур пролетает,
Взлетают искры, рвётся пламя!
В себя приходит корсиканец
И смотрит на пожар Москвы.

нем.

ДЕТСКАЯ ОБУВЬ ИЗ ЛЮБЛИНА
(Иоганнес Р. БЕХЕР)

Из всех, что на суд пригласили,
Свидетелей помню таких,
Когда они зал проходили,
Суд стоя смотрел на них.

Мы сверху на деток смотрели.
Их парами кто-то связал.
Казалось, что деточки пели
Тихонько, как дальний хорал.

Был хоровод этот длинный, пёстрый,
Тянулся он через весь зал.
Всё глубже был приступ острый
Молчанья под детский хорал.

Самые малые дети
Узнали, как в парах идти
Что могут ботиночки эти
Смеяться и плакать в пути.

Покинула строй ненароком –
Час отдыха паре пробил –
Продолжила путь свой с потоком –
Из детских ботинок он был.

Размер их был точно по ножкам,
Чтоб деткам от них не страдать.
Кисти пришиты к сапожкам, –
Могли ими дети играть.

нем.

Хмельною брагой разлилась
По кружкам сердца кровь.
Никто, отведавши её,
Не мог не выпить вновь.

Был храбр с врагами славный Джон
Ячменное Зерно:
Вселять отвагу в кровь других
Его крови дано.

Дано, чтоб горе забывать
Мог бедный человек,
Чтобы запеть могла вдова,
Смахнувши слёзы с век.

Поднимем же бокал, друзья,
В нём Джона кровь кипит.
Нет, никогда не будет Джон
В Шотландии убит!

Косою срезала его
Злодейская рука.
Потом связали и в фургон
Втащили старика.

Свезли в овин, велев его
На спину положить,
И стали Джона короли
Жестоко колотить.

Подняли за ворот его,
Стряхнули пыль и вот
Колотят снова, положив
Теперь уж на живот.

Водой огромнейший котёл
Наполнили они
И Джона бросили в него:
Плыви или тони!...

Но не оставили в воде,
А вытащив, опять
На каменный швырнули пол,
Чтоб пытки продолжать.

И если видели, что Джон
Знак жизни подаёт,
Лопаты брали, и Зерно
Швыряли взад-вперёд.

Потом сушили Джону мозг,
Разложивши костёр.
А мельник сердце взял его
И в жерновах растёр.

Из шёлка, из бархата пара
И вышиты даже цветы
Как символ венчального дара
Для детской наивной мечты.

Милые бантики, пряжки с застёжками
Для маленьких ножек, легки, как пух.
Но многие шли слишком долгими стёжками,
Их дождь пропитал, их размер распух.

Мать у витрины лавки той самой.
Дитя на руках, грусть на лице.
Ребёнок просит: "Купи мне, мама,
Ботиночки мягкие, тёплые те!"

"Ботиночки мы не получим даром.
Ведь денег у нас ни копейки нет".
Тут к ним подошла деревянных пара
Хромых измочаленных сандалет.

Чулочки пара с собой тащила
Натёртые ножки свои прикрыть.
Что за шествие это было?
Чуть слышное пение кто мог творить?

Да, могут ботиночки плакать, смеяться...
В ботиночке едет пустом
Куколка в лодке, она подняться
Не может никак при том.

Приветствует куколка нас, как в сказке
Идёт с ней с мячом пара юнцов.
Они не раз подвергались встряске
За стёкла разбитые от отцов.

Один сапожок потерялся –
Попутчика хочет найти.
В пути снегопад разыгрался,
Быть может замёрз он в пути...

До дыр износилась пара
И всё же зачем-то идёт.
Неужто изношенной, старой
Ей кто-то сойти не даёт?

Идёте, как тени вы бледные.
Кто послал вас? Кто вас раздел?
Где ножки ваши, бедные,
Ножки ваши босые где?...

Судья вопросы поясняет.
Число детей убитых он
По документам точно знает.
Хорал убитых, мёртвых стон.

Когда захватчики убрались,
Обутки детские нашли.
Куда же дети все девались?
Куда без обуви ушли?

Вагон, как монстр, без проводницы
Тащил по рельсам паровоз.
И в нём мы были, как в темнице,
И в темноту он нас привёз.

И тут на нас из местных лавок
Поток обуток неспроста
Излился, не избегнув давок,
Стремясь занять свои места.

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО (Р. БЕРНС)

Решили трое королей,
Трое величеств их:
Есть Джон Ячменное Зерно,-
Не быть ему в живых!

Решили, запахав его
Землёй со всех сторон:
Был Джон Ячменное зерно,-
Теперь же умер он.

Но вот пришла весна-красна,
Апрель дожди пролил,
И Джон поднялся. Королей
Он очень удивил.

Под знойным солнцем лета рос
Джон ладным крепышом.
В любой момент он был готов
Врага сразить копьём.

Когда же осень подошла,
Джон бледен стал и хил.
Ослаб скелет, и голову
На грудь он уронил.

Теряя силы с каждым днём,
Джон с каждым днём старел.
Тогда-то гнев своих врагов
Он полностью узрел.

англ.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ФОТОГРАФИЯ (Иоганнес Р. БЕХЕР)

Лес. Виселица. К офицеру офицер
Теснится перед ней. И объектив
Всех уместил их в свой размер,
Зверей на снимке облик воплотив.

И руки гордо вытянуты вниз.
Бросает вызов мёртвый: «Знайте нас!»
Щит деревянный на груди повис.
Из леса тьмы – десятка волчьих глаз.

И, кажется, у мёртвого висит
С такою надписью колеблющийся щит:
«Я здесь убийц на фотографии собрал.

Чтобы никто из них не убежал,
Чтобы никто не мог улыбки зверя скрыть,
Здесь до суда их всех я буду сторожить!

нем.

"Мы без горячего, однако,
Который день в пути прошёл",
Сказала мать. Солдат с собакой
К ней, ухмыляясь, подошёл.

"Вам скоро всем теплее станет,
Печь раскалит служивый бес.
Вас мучить холод перестанет".
Труба дымила до небес.

"Тепла у вас в избытке будет",
Охранник наглый говорит.
"Согреть вас Люблин не забудет,
Тут солнце вечное горит."

Вот тётка немка к нам из зала
Обслуги лагерной пришла.
Нас ангелочками назвала
И разувать нас начала.

Мы все заплакали при этом,
А тётка молвила: "Сейчас
Засветит солнце ярким светом
Босые ножки греть у вас.

Теперь вы встаньте, чтоб скорее
Могла я вас пересчитать.
От солнца жар вас всех согреет,
Тепла на всех будет хватать...

Не плачьте же, сушите глазки!
Что, детки, что у вас болит?
Я, немка, тётушка из сказки,
Мне фея доброй быть велит.

Вам надо всем к теплу стремиться.
С коленок встать! в том нужды нет.
Мы будем петь, а не молиться.
В Люблине солнца жаркий свет!"

А немка песню петь умеет.
Мундир одёрнула и вот
В тот дом, где солнце пламенеет
Детей, пересчитав, ведёт.

Их сотни в каменном плену.
Раздетых деток крик затих.
Ушли в немецкую страну
Ребятчи все обутки их.

Гешефт тот прибыльным считали,
Прибыток строя на войне.
Колонны узников сжигали
Немецким солнцем в Люблине.

И если мёртвых хор однажды
Над Рейхом мщеньем прозвучит,
Обутки детской пары каждой.
Примкнуть колонна разрешит.

И вскоре тут образовался
Из тысяч карликов поток.
И там, где клан убийц скрывался,
На страх им занял место то.

Наверх по лестнице поднявшись,
Тихонько в комнату идут.
Там палачи, от страха сжавшись,
Возмездия сожжённых ждут.

И солнце жаркое засветит,
Свет правду обнажить готов.
За плач детей палач ответит,
За пение из мёртвых ртов...

Скрывать убийство труд напрасный:
Тут всё доказано сполна.
Но нет свидетелей ужасней
Обуток тех из Люблина.